

Владимир Коркунов

АВТОПОРТРЕТ

Изгибы искореженной руки
 сухого дерева — прорвав сетчатки хрупкость,
 из глаз растут; на месте сердца — пруд,
 венок из камышей, бубенчик шутовской.
 Привязан к тени смятого листа
 несовпадений; на веревках — черви,
 в груди — несобранные прелые плоды,
 а под ногами — прах, сухой и стылый.
 И этот дом, где трещиной стена
 пошла — Иакова? Иуды? —
 пожрет огонь, и тянет кирпичи
 в пролом — и засыпает град камней
 скопление людское — в полотно,
 где тени отражаются в глазах,
 смотрящих с неба — где не умирает
 червь и в пламени звенит
 то колокол, то шутовской бубенчик.

г. Москва

Рараэль Мовсисян

●

в этом старом пальто, что висит в глубине гардероба
 столько талого снега, что трудно теперь посчитать.
 и когда я умру, вы пальто положите под гробом,
 чтобы было мне мягко и было о чем вспоминать.

ловкость пальцев моих возле пуговиц все еще вьется.
и звучит в левом борте от сердца горячего стук.
это было пальто победителя и полководца —
я водил свое войско на запад, водил на восток.

и дорожная грязь тоже в теле усталого драпа.
и дыханье мое в вечно поднятом воротнике.
и вопросы ребенка: «что это за дерево, папа?»
и все то, что на улице жизнь приносила ко мне.

●

моему сыну Микаэлю

мужчина гладит женщине живот.
там крепнет жизнь, там сын его живет.
там центр мира: и того, и этого.
там смысл для отца тридцатилетнего.

он книгу выбирает наугад
с шершавой полки. переводит взгляд,
с жены уснувшей на Антона Чехова.
бредет к окну и ненароком с млечного

пути сбивается. и точит карандаш,
и стружки, будто снег на абордаж,
берут паркет. и пыль на подоконнике,
где пальцем нарисованные нолики.

мужчина делает заметки на полях
о жизни новой, о своих ролях.
и Чехов, кажется, не возмущается,
мечта ведь может быть такой —
состариться.

г. Ереван

М и х а и л Н е м ц е в

К ДЕНИСУ ГРЕКОВУ

Если бы я снимал настоящий фильм про войну,
я бы начал его, минуя парады, сразу
с бомбардировки, — потом четыре бомбардировки,
восемь, одиннадцать, двадцать семь бомбардировок,
сорок три бомбардировки, и разрушающееся здание,
развалины разрушенных сооружений, горящие под
эти зданиями подвалы, выгорающие еще и еще раз,
еще и еще раз, —
в этом месте фильм уже должен ост**бенить. Потом — операция,
где отрезают ноги, зашивают живот, одно и то же
несколько раз, отрезают ноги,
зашивают живот, в этом месте фильм
уже как бы не про войну, а «про
жизнь вообще», поэтому снова бомбардировка,
как реминисценция первоначальных сцен,
затем сюжет — голодная девочка тонет в холодной воде,
не спасаясь с уничтоженного корабля.
Еще раз тонет, теперь по-быстрому.
И тогда, чтобы те, кто досмотрел досюда, не ушли обиженными,
героический танк, врываясь в предместье,
сметая пулеметные гнезда,
прорывается в центр городка! И там,
на Рыночной площади, освобожденные
прекрасные девушки бросают цветы
к подножью его постамента! И все.

гг. Новосибирск, Москва, Вашингтон

Д м и т р и й Б л и з н ю к

●

За окном промелькнул тираннозавр,
быстро сквозняком колыхнуло штору.
А в комнате громко тикают часы —
будто кто-то безмолвный
нервничает
на пустом космическом корабле.
На подоконнике рассыпаны очищенные
чесночные дольки лунного света —
от упырей и вампиров.
И становится непонятно: кто ты и где.
Застрял во время инкарнации.
Комната — сиреневая кубическая пещера
со слизанными углами. И мягко скользят по потолку
бархатистые гильотины света.
Розовые мечты из прошлой жизни,
из другой несуществующей планеты
светятся, как гнилушки. Тают во рту
желтые кристаллы бессонницы.
А высокое зеркало, пятнистое, как гиена,
в полутьме отрывает куски
от бессонного тела
мощными сусальными челюстями.

●

улица еще не просохла после ливня
свежевыкинувшийся кит на асфальтовый берег
влага дышит натянутая мутная зеркальность
гоночный Феррари на всей скорости врезался в озеро
/громадный плакат рекламы шевелится/
оглушительная пауза и грозовые облака
кусочки сала с оплавленными краями

и солнце смотрит сквозь разрывы в облаках
а внутри меня жадно и жарко дышит
красная пустыня нетакойкаквсе
песчаные змееголовые женщины
с черными глазами по всему сыпучему телу
извиваются в песках
к небу подвешены за серебряные нити
тысячи треснувших песочных часов
и наискось семят скорпионы
мускулистые масляные тараканы
ухают в дюнах как филины заброшенные города
охряные буханки зачесанного камня
сухость выковыривает колючки из легких
запах паленого войлока
и безработные джинны

г. Харьков